

ЭДВАРД СОЙЯ

Как писать о городе с точки зрения пространства?¹

Придавая городам первостепенное значение

Я попытаюсь показать потенциальную важность пространственного подхода в письме о городе, раскрыв некоторые новые значения одного древнегреческого слова, которое оставалось почти полностью забытым учеными на протяжении почти двух тысячелетий. Это слово *синойкизм* (*synoikismos*). Корень этого слова — *ойкос*, дом или место обитания, тот же корень, что встречается в экономике (которая начиналась просто как ведение домашнего хозяйства) и экологии, а также *ойкумене* и *экистике*, новое слово, предложенное греческим урбанистом Константиносом Доксиадесом для обозначения области знаний, изучающей все формы человеческих поселений. Суффикс *-мос* означает условия возникновения, а приставка *син-* — совместное проживание. Таким образом, *синойкизм* можно определить как состояние, которое складывается в результате совместного проживания в определенном домашнем месте или пространстве.

Принимая во внимание коннотации, связанные с объединением ради независимого — и, я бы добавил, эффективного и творческого — совместного проживания, *синойкизм* также используется для обозначения супружества, интегрального единства или «семьи», образуемой в результате брака. Этот термин сохранился также и в биологии. Согласно сетевому «Словарю трудных слов», под ним могут пониматься также мужские и женские цветы в одном соцветии или объединение нескольких видов во благо по меньшей мере одного (но без вреда для остальных). И вновь здесь содержатся коннотации творческого совместного проживания.

¹ Edward W. Soja, 'Writing the City Spatially,' *City*, 2003, vol. 7, no. 3, p. 269–281.

Но чаще всего это слово используется для обозначения процессов, связанных с формированием города-государства или *полиса*, еще одно греческое слово, которое практически пропитано городскими коннотациями. В этом смысле *синойкизм* означает объединение или совместный рост — если угодно, брачный союз — близлежащих общин, областей, деревень, городов, приводящий к образованию одной городской политической единицы, города-государства. Древнегреческий геоисторик Фукидид описывает этот процесс социальной консолидации и централизации двояко: как физическую агломерацию людей и как форму политического объединения, отмечая, что эти две формы объединения не всегда происходят одновременно. Особенно важным для Фукидида был «великий синойкизм» афинского полиса, который произошел около 900 года до н.э., событие, отмечаемое ежегодно в течение двух дней как *синойкии* и посвященное рождению города-государства и его «покровительнице».

Но Аристотель предлагает наиболее сложное теоретическое осмысление *синойкизма*. Он считает его активным социальным и пространственным процессом, связанным с образованием политической и культурной конфедерации вокруг особого территориального центра: *полиса* или *метрополиса* (в буквальном переводе: «материнский» город). Этот процесс составлял суть политики, специфически городской политики, связанной с созданием гражданского общества, идеями гражданства и демократии, семьи и идентичности, творчества и новшеств, столпами городской цивилизации. С этим социальным и пространственным процессом связано множество других терминов, помогающих проводить различие между горожанином или *политес*, политически сознательным гражданином, и *идиотес*, варваром или сельским жителем (вспомним нередко недооцениваемое политическое замечание Маркса о крестьянстве и «идиотизме деревенской жизни»). Продолжением синойкизма также служат полиция, политика, политес, обходительность, учтивость (*urbanity*). И для Аристотеля письмо о городе начинается с этого важного процесса формирования города-государства.

Возрождая и развивая это давно забытое понятие, я дополняю аристотелевское понимание *синойкизма* еще более выраженной пространственной интерпретацией, отражающей заметный всплеск интереса к критической пространственной мысли, который за последние десять лет затронул почти все дисциплины. В моем более выраженном пространственном подходе синойкизм больше не ограничивается временем формирования города, а считается непрерывным и крайне политизированным процессом городского роста и развития, динамичным процессом, который предлагает постоянно развивающийся источник стимулирования социальной синергии и является составляющей самой сущности городской жизни. В таком понимании синойкизм означает творчество, новшества, территориальную идентичность, политическое сознание и социальное развитие, которое возникает из совмест-

ной жизни в более плотных и гетерогенных городских областях. И в этом смысле я определяю синойкизм как *стимулирующее воздействие городской агломерации* и напрямую связываю его с тем, что можно назвать *пространственным своеобразием урбанизма* — реальными и воображаемым, материальными и символическими географиями или пространственными измерениями городской жизни.

Сразу возникают некоторые очевидные вопросы. Что именно понимается под стимулирующим воздействием городской агломерации? Принимая во внимание наше интуитивное сознание того, что на всем протяжении человеческой истории города неизменно были центрами инноваций, в чем состоит своеобразие пространственной агломерации или кластеризации, вызывающее появление новых идей и ускоряющее социальное развитие? И насколько значительны эти специфически городские стимулы и синергия? К сожалению, ответить на эти вопросы не так уж просто, так как количество теоретических или интерпретационных работ, посвященных социальной и пространственной динамике городской агломерации, не слишком велико. Можно сказать, что западная социальная наука и социальная теория уделяла слишком мало внимания объяснительным возможностям, связанным непосредственно с процессом урбанизации, предпочитая считать города простым фоном или средой для социальных процессов.

Возможно, ближе всего к изучению синойкизма смогла подойти литература об экономии от агломерации или, как ее еще называют, внешней экономией от урбанизации. Литература об экономии от агломерации, особенно в области экономической географии, недавно вновь привлекла к себе внимание, так как она оказалась необычайно полезной для понимания сложных процессов экономической реструктуризации и глобализации, которые изменили весь мир за последние тридцать лет. Об этой современной связи с городской жизнью в эпоху глобализации будет сказано ниже. Но сначала рассмотрим динамику агломерации.

Само понятие экономии от агломерации основывается на сбережении времени и сил, которое происходит вследствие объединения, а не дробления различных вещей. Объединение и создание узловых точек представляет собой фундаментальный и стратегический ответ на вызовы расстояния, которые влияют на все живое на земле, даже если причины такого поведения зачастую остаются неосознанными. Мы можем признавать действие экономии времени и сил за счет близости в нашей индивидуальной повседневной жизни, но экономия от агломерации также сказывается на более широких социальных и исторических процессах, хотя последствия этого не слишком хорошо изучены.

Важно, что сбережение времени и сил от агломерации и стимулирование возможностей для творческой деятельности, которое обеспечивает такое сбережение, являются жизненно важной составляющей самой природы городов. Теоретически люди, семьи, домохозяйства и все связанные с ними виды деятельности могут быть равномерно

или произвольно распределены на поверхности земли. Но по крайней мере на протяжении последних 12.000 лет человеческое общество жило в основном в точечных поселениях или разных по величине городских агломерациях, и эта особая форма человеческого поселения или обустроенной среды всегда приносила определенную выгоду, хотя нельзя не упомянуть и об издержках, ибо существует важная отрицательная экономия от агломерации, которая периодически подрывает городскую жизнь. Точно так же вопрос о том, как такая экономия времени и сил на деле переводится в творчество и инновации, не получил достаточно-го рассмотрения, хотя мы опять-таки интуитивно понимаем наличие некой причинной связи между ними.

Не углубляясь в рассмотрение связей между агломерацией и инновациями, можно попытаться перевернуть вопрос и подойти к нему иначе. Предположим, что существует важный стимул для творческих инноваций, связанный с городами и определенной географией урбанизма. Почему же тогда в литературе по социальным наукам, если не считать раздела экономики, занимающегося изучением внешней экономии, о синойкизме и связанных с ним понятиях сказано так мало? Я говорю только о социальных науках и социальной теории, либеральной и марксистской, так как, на мой взгляд, искусство и литература всегда так или иначе говорили о синойкизме, хотя и не всегда напрямую.

Западная социальная теория не только игнорировала причинные или объяснительные способности синойкизма; она до недавнего времени оставалась глубоко антигородской, избегая любых специфически городских объяснений социальных феноменов и социального развития. Конечно, многие (почти всегда) признают, что определенные вещи происходят в городах, но, за некоторые примечательными исключениями (на ум сразу же приходят старая Чикагская школа и работы Анри Лефевра), редкие социальные теоретики считают, что *города сами по себе оказывают каузальное воздействие на социальную жизнь*, что историческое развитие человеческих обществ не просто происходит в городах, но также во многом обусловлено городами и особенно стимулирующим воздействием городской агломерации.

Как утверждал Лефевр, развитие общества можно понять только в городской жизни через реализацию городского общества. В другом месте он развивает эту мысль, утверждая, что социальные отношения остаются абстрактными и нереализованными, пока они не получают конкретного выражения и не вписываются материально и символически в обитаемое пространство. Что означают эти взаимосвязанные утверждения? Как мне кажется, Лефевр говорит, что человеческое общество и, в сущности, все формы социальных отношений и социальной жизни возникают, развиваются и меняются в материально реальном и социально воображаемом контексте городов. Это происходит в ходе того, что он называл социальным производством городского пространства, непрерывным и спорным процессом, пронизанным политикой и идеологией, созида-

нием и разрушением и непредсказуемым взаимодействием пространства, знания и власти, если развивать фукианскую версию синойкизма.

Большинству социальных мыслителей и теоретиков, не имеющих сложившегося и строгого представления об объяснительных возможностях синойкизма или ясного и динамичного понятия социального производства городского пространства, такие заявления кажутся либо пустыми, либо преувеличенными. Даже последователи Лефевра и Фуко не уделяют этому большого внимания. Как фиксированные и мертвые географии могут формировать динамическое развитие социальных процессов, социального сознания, социальной воли? Не является ли это еще одной разновидностью экологического или географического детерминизма, наподобие того, что, в конце концов, привел к упадку Чикагской школы? Так считало большинство социальных ученых и научных социалистов или марксистов на протяжении прошедших полутора столетий, и именно это я называю антигородским и антипространственным перекосом. Но, как я уже говорил ранее, за последние десять лет произошло нечто, что привело к трансдисциплинарному всплеску интереса к городам и критической пространственной мысли, почти одновременному пространственному и городскому повороту, постепенно ведущего к глубокому переосмыслению канонических идей почти во всех областях — от археологии и литературной критики до бухгалтерского учета и этнографии. С этим ростом пространственного сознания во всех гуманитарных науках доводы в пользу объяснительной способности синойкизма и пространственного своеобразия урбанизма получили более широкое признание.

Чтобы проиллюстрировать этот поворот в пространственной мысли, рассмотрим книгу, опубликованную в 1969 году и написанную великим городским иконоборцем Джейн Джекобс. В «Экономике городов» Джекобс предложила теоретическое осмысление города, которое особенно созвучно расширенному понятию синойкизма. Она определяет город как поселение, которое последовательно порождает свой экономический рост за счет своих локализованных ресурсов. Эта «искра городской экономической жизни», как она назвала ее, явно вращается вокруг стимулов и социальной экономии, определяющейся совместным проживанием в городах, а не в сельских областях. Она возникает благодаря плотности и культурной гетерогенности. Города концентрируют потребность, бросающую множество вызовов социальному воспроизводству, но в то же время создавая серьезные стимулы для решения проблем по-новому. Города привлекают всевозможных приезжих, чужаков, гостей и мигрантов, которые несут с собой инновационные идеи. И она приходит к как всегда лаконичному выводу: «Без городов мы все прозябали бы в нищете». Иными словами, мы по-прежнему оставались бы охотниками и собирателями.

В «Экономике городов» Джекобс не только размышляла о городах, она использовала свои идеи для глубокого пересмотра исторического

развития человеческих обществ. В этом она опиралась на работы британского археолога Джеймса Меллаарта, посвященные раскопкам на месте «неолитического города» Чатал-Гуюк в Южной Анатолии. Соображения Джекобс по поводу этого неолитического города — словосочетания, которое воспринималось почти всеми археологами того времени как полнейший оксюморон, — заслуживают определенного развития и, по сути, возрождения, так как они, как и значительная часть новаторской городской мысли 1960-х — начала 1970-х, игнорировались или оставались непонятыми на протяжении многих десятилетий учеными, не обращавшими никакого внимания на объяснительные способности синойкизма и пространственного своеобразия урбанизма.

Начнем с 8.500-летней настенной живописи, обнаруженной в Чатал-Гуюке. Учебники по истории искусства называют это изображение первым пейзажем или картиной «природы», но на самом деле на ней изображена не «природа», а город, плотное городское поселение, размещенное близ извергающегося вулкана, источника вулканического стекла, который служил основным ресурсом для охотничье-собирательских обществ того времени. В этих учебниках также говорится без серьезных попыток объяснения, что ничего подобного этому панорамному и творчески перспективному изображению городского ландшафта не встречалось на протяжении следующих 7000 лет. В своем живом изображении революционной трансформации природы, если можно так выразиться, перехода от сырого к приготовленному, настенная живопись символизирует первый синойкизм. Недавние открытия археологов подтвердили гипотезу, что здесь, в Чатал-Гуюке, и в других местах в кольце гор, окружающих «плодородный полумесяц», сложились первые в мире городские поселения или города, появившиеся на пять тысяч лет раньше, чем города-государства Месопотамии, единственной городской революции, признаваемой историками первобытного общества и большинством археологов.

По имеющимся на сегодняшний день данным, Чатал-Гуюк был наиболее крупным и наиболее развитым из этих первых городов, а во времена расцвета численность его населения достигала целых 12.000 человек. В первой главе «Экономики городов» Джекобс утверждала, что начало всего социального развития и особенно революционный переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству произошел не только в, но и из-за создания особой человеческой среды обитания — города. Развитие всего этого в Чатал-Гуюке, который также предлагает нам первые известные примеры металлургии, ткачества, гончарного дела, а также необычайно продуманной настенной живописи с изображением города и самого первого зеркала ручной работы — два символа целенаправленной саморефлексии, — и было тем, что высекло искру развития городской экономической жизни, стимул к городской агломерации.

Джекобс не только перевернула распространенные представления об истории первобытного общества, заявив, что города возникли до так

называемой «сельскохозяйственной революции», но и показала объяснительные возможности городской агломерации в истории вплоть до настоящего времени. Она утверждала, что каждое крупное новшество, каждое заметное преобразование в человеческом обществе было обусловлено внутренней синергией и творческими средствами экономии времени за счет проживания в плотных и сконцентрированных городских поселениях. Вспомним ее справедливое замечание, что без городов мы все прозябали бы в нищете!

Кому-то это может показаться просто признанием того, что города всегда были центрами инноваций и творчества. Но, в действительности, дело этим не ограничивается. Это яркий пример использования пространственного измерения города для лучшего понимания всей истории социального развития и социальных изменений. Он открывает перед нами такие возможности, показывая определенную динамическую силу, возникающую из самой природы — или сущности — городской жизни. Но сразу же после выхода «Экономики городов» изложенная в ней идея первостепенной важности городского пространства оказалась либо совершенно непонятой, либо понятой с искажениями и абсурдными преувеличениями. Как и в случае с работами Лефевра и Фуко того же времени, ее более глубокое эпистемологическое значение стало более понятным и более творчески стимулирующим только в 1990-х годах после того, как пространственный поворот создал более широкую и более восприимчивую академическую аудиторию, у которой решительное утверждение критического пространственного подхода не вызывало отторжения.

В первых трех главах «Постметрополиса» я опираюсь на этих выдающихся ученых, пытаюсь пересмотреть геоисторию городского пространства вокруг трех особых городских революций, каждая из которых была вызвана (не полностью, но во многом) инновационным стимулом городской агломерации. Первая началась примерно 12.000 лет тому назад и привела к первой великой трансформации в истории человеческого общества — сельскохозяйственной революции. Эта глубоко городская по своей природе революция, вопреки представлению большинства ученых, не создала социальных излишков, благодаря которым появление городов стало возможным. Именно формирование городов сделало возможным создание социальных излишков.

То, что традиционно считалось первым этапом формирования городов, возникновение городов-государств в аллювиальных равнинах Тигра и Евфрата, теперь можно признать второй городской революцией. Проявившаяся наиболее ярко в таких местах, как Ур и Вавилон, а позднее, после великого синойкизма, в древнегреческих Афинах, эта глубоко политическая трансформация привела к формированию первых централизованных государств и империй, а также первого заметного деления на социальные классы, накопления частной собственности и развития рабства, бюрократии, военного класса и, в отличие от первых городов, установления патриархата.

Третья городская революция пять тысяч лет спустя вместе с появлением городского промышленного капитализма, отличительной особенностью которого стало создание обществ, большая часть населения которых проживала в крупных городах. Индустриализация привела к быстрому росту двух, опять-таки специфически городских, групп населения, городского пролетариата и городской буржуазии, для описания которых обычно использовался словарь антигородской социологии и научного социализма. На протяжении двух последних столетий сложившийся городской промышленный капитализм пережил немало кризисов, вызывавших реструктуризацию, всякий раз отчасти в ответ на специфическую форму синойкизма, которая возникла с беспрецедентной концентрацией рабочего класса в городском ядре.

Энгельс был первым, кто заметил и описал, как тесная агломерация рабочих в таких городах, как Манчестер, способствовала зарождению классового сознания и классовой борьбы, вызвав существенную реорганизацию городского пространства для ответа на городские волнения и поиски новых путей к национальному экономическому возрождению и росту, к которым изначально относились стратегии растущей глобализации, распространения городской деятельности и национальных капитализмов на глобальном уровне. Опуская значительную часть городской геоистории, мы оказываемся сегодня в конце одного из самых трансформационных периодов реструктуризации и глобализации. Рассмотрим вкратце этот новый этап и «новую экономику» гибкого и глобализованного капитализма, появившуюся вместе с ним.

Важно отметить, специально для тех, кто продолжает называть нынешнюю эпоху постиндустриальной, что наше понимание этой «новой экономики» гибкого, глобального и, можно добавить, по-прежнему городского и промышленного капитализма сложилось во многом благодаря группе ученых, в основном географов и специалистов по региональному планированию, создавших новую область, которую можно назвать критическими исследованиями городов и регионов. Этот растущий корпус теоретических, эмпирических и прикладных исследований не только выдвинул на передний план критический пространственный подход, но и основывался на переосмыслении влиятельных сил, возникших из синойкизма, стимула к городской и региональной агломерации. Благодаря таким понятиям, как инновационные среды, региональные инновационные системы, промышленные районы, экономические кластеры, региональные миры производства и неформальные взаимосвязи, возникающие на основе местных конвенций, теории размещения и агломерации, которые некогда были механическими и жестко ограниченными, стали открытыми для намного более богатых социальных и культурных, а также геополитических и экономических подходов. И, наверное, нет ничего удивительного в том, что многие ученые, работающие в этой области, могли обращаться к «Экономике городов»

Джейн Джекобс и ее творческому рассмотрению генеративных возможностей городской экономической жизни и развития.

Благодаря работе таких ученых, как Дэвид Харви, удалось показать связь самих истоков этих процессов экономической реструктуризации и глобализации с пространственным своеобразием урбанизма. Именно социальные волнения, прокатившиеся по крупным городам мира в 1960-х, обозначили неизбежный конец послевоенного бума в передовых индустриальных странах и наступление периода экспериментальной реструктуризации национальных, региональных и городских экономик. Как отметил Харви, они по крайней мере отчасти отражали городской пространственный кризис и породили стремление к тому, что он так метко назвал пространственным закреплением/исправлением (*spatial fix*). Это стремление к пространственному закреплению отражало внутреннюю потребность капитала, особенно во времена кризиса, в реорганизации его особой географии и создании подходящей среды для роста прибыли и экономики в целом. Именно это стремление к радикальной перестройке городского и регионального пространства было движущей силой процесса глобализации, особенно в том, что касалось промышленного капитала и финансовых инвестиций. Это также было основным источником для развития того, что я назвал постметрополисом и постметрополисным переходом, процессы, которые продолжают разворачиваться сегодня во всем мире.

Реструктуризацию национальных капитализмов, основанных на массовом производстве, массовом потреблении и социальном обеспечении, которая привела к послевоенному буму, независимо от того, рассматривается она сквозь призму пространственного закрепления или нет, следует понимать — больше, чем в какой-либо другой период в прошлом — как глубоко пространственный процесс. И то же самое можно сказать о современной «новой экономике» с системами гибкого и постфордистского производства; расширении глобализации торговли, инвестиций, миграций и культуры; возникновении информационных сетевых обществ и росте влияния гигантских городов-регионов, вроде Лондона, Токио и Нью-Йорка.

Вопреки растущей литературе о глобализации и ее тесных связях с понятиями постиндустриализма, представители новой геополитической экономии считают «новую экономику» по-прежнему во многом индустриальной, возникшей в результате фундаментальных изменений в постоянном взаимодействии урбанизации и индустриализации. Поначалу экономическая реструктуризация вызвала резкое ослабление старых фордистских индустриальных центров и регионов как инновационной среды и, возможно, самую впечатляющую деиндустриализацию, которая когда-либо происходила в передовых индустриальных странах. И этот упадок заставил многих прийти к выводу о возникновении постиндустриального общества, но последующее развитие покажет, что дело обстоит иначе.

Деиндустриализация сопровождалась впечатляющей реиндустриализацией, сосредоточенной преимущественно в новых индустриальных пространствах, районах или кластерах. Зачастую это были неосвоенные, не индустриализированные ранее, площадки, которые варьировались по величине от целых стран (так называемых «новых индустриальных стран») до специализированных индустриальных комплексов и технопарков, обычно расположенных в пригородах крупнейших городов мира. Здесь произошел упадок фордистской экономики от агломерации и синойкизма и создание новых и более гибко специализированных и связанных с информационными технологиями инновационных сред. В некоторых случаях эти регенеративные и синойкистские группы располагались в возрожденных старых городских центрах (как в случае с финансовой отраслью и культурной деятельностью в Лондоне и Нью-Йорке). Но чаще всего они возникали в виде новых центров на городской периферии. Этим они во многом способствовали впечатляющей пространственной реструктуризации современного метрополиса, отчасти обусловленной урбанизацией пригородов и созданием намного более полицентричных городских регионов, растущих констелляций локальных синойкизмов.

Новая городская форма еще больше размыла простой дуализм современного метрополиса — разделение между плотным, гетерогенным и крайней синойкичным центром города и сонным, гомогенным миром пригородов. На его месте возник более многоцентричный, глобализованный и информационный город-регион, породивший множество новых терминов для описания его основных особенностей: внешний город, окраинный город, постпригороды, технопригороды, кремниевые ландшафты, технопарки, метроплекс, экзополис. Подобно тому, как в этой урбанизации пригородов произошло полное выворачивание наизнанку современного метрополиса, во многих случаях также имел место возвращение в центры городов, особенно в результате массовой миграции людей из того, что мы обычно называем «третьим миром». Это парадоксальное превращение центра в периферию привело к появлению самых гетерогенных в культурном отношении городов в истории и в то же время способствовало усилению социальной поляризации и возрастанию неравенства в богатстве и власти, основанного на классовой, расовой, этнической и национальной принадлежности. И растущий разрыв между богатыми и бедными стал, возможно, наиболее важной чертой этого нынешнего этапа городской реструктуризации.

Не удивительно, что такие изменения привели к глубокой реструктуризации синойкизма. Представление, что стимулы к городской агломерации усилятся с ростом размеров и плотности городов, достигло своей наивысшей точки в фордизме и последствиях информационной и коммуникационной революции. Но, несмотря на предсказания некоторых, что агломерации во многом утратят свою эффективность в новую информационную эпоху, а синойкизм станет ненужным с концом геогра-

фии и смертью расстояний, стимулы к городской агломерации все же сохраняются, пусть и в ином виде, в многоцентричных региональных сетях. Крупные регионы, насчитывающие более миллиона жителей, стали сегодня главной движущей силой мировой экономики. Они не только стали центрами инноваций для капитала, они также становятся синойкистской средой для развития инновационных практик взаимодействия рабочей силы, особенно в огромных концентрациях того, что в Соединенных Штатах сегодня называют бедными работающими иммигрантами и низшим классом, живущим на пособие.

Но это уже совсем другая история о возникновении новых городских пространственных движений, о попытках достижения большей пространственной справедливости и региональной демократии перед лицом растущего неравенства и о будущем постметрополисного мира. В настоящей статье я лишь попытался показать тем, кто не знаком с пространственным поворотом и его городским измерением, новые идеи, которые он может предложить. В то же время я попытался побудить тех, кто считает, что они уже занимаются новой географией и пишут о городе, расширить охват своего уже плодотворного географического воображения, уделив больше внимания пространственному измерению городской жизни и синойкизму. Трудно представить более подходящее время для развития такого критического городского и пространственного сознания, так как — больше, чем когда-либо прежде — все мы сегодня урбанисты.

Перевод с английского Артема Смирнова

Литература

- Jacobs, J. (1969) *The Economy of Cities*. New York: Random House.
Kofman, E. and Lebas, E. (eds) (1996) *Henri Lefebvre – Writings on Cities*. Oxford: Blackwell.
Lefebvre, H. (1975) *Le temps des meprises*. Paris: Stack.
Soja, E.W. (1996) *Thirdspace*. Oxford: Blackwell.
Soja, E.W. (2000) *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell.